

РОССИЙСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ ЦЕРКВИ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ПРИ НИКОЛАЕ I

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена деятельности православных священников, несших службу при зарубежных миссиях и посольствах России. Штат священнослужителей был во всех дипломатических представительствах в странах Европы, где имелись православные церкви или устраивались специальные домовые церкви. Священники подчинялись послу или посланнику дипломатического представительства России, получали жалование от российского МИД и были ему подотчётны. Одновременно надзор над священнослужителями осуществлял Святейший Синод. В правление императора Николая I священники назначались и в некоторые страны Востока, с которыми Россия устанавливала дипломатические отношения. Самыми многочисленными штатами священнослужителей располагали миссии в Османской империи и Греции. Устройство церквей и сам обряд церковной службы в этих странах должны были служить примером для местных православных общин, в которых православные службы зачастую проводились не по принятому в русской церкви канону. Особо следует сказать о духовной миссии в Китае, с которым ещё не были установлены дипломатические отношения. На протяжении второй четверти XIX в. эти духовные миссии выполняли функцию дипломатических представительств России в этой стране.

Статья основана на документах из Архива внешней политики Российской империи МИД России, которые ещё не были вовлечены в научный оборот. Сама тема присутствия «духовных чинов» при дипломатических миссиях России не разрабатывалась в научной литературе (за исключением некоторых сюжетов, касающихся русского духовенства в Святой Земле). Между тем, обширность имеющихся материалов, свидетельствующих о важной роли посольских священников, позволяет существенно расширить рамки изучения деятельности российских представительств за рубежом.

Ключевые слова: российский МИД, посольства, миссии, зарубежные церкви, православные священнослужители.

УДК 322, 93, 327.39

Поступила в редакцию 10.10.2017 г.

Принята к публикации 13.12.2017 г.

10 (22) апреля 1832 г. Николай I подписал указ «Об образовании Министерства иностранных дел». Он гласил: «Признав за нужное дать Министерству иностранных дел образование, соответствующее более существу производимых в нём дел и применённое к устройству других главных в империи нашей управлений, повелеваем: 1. Учредить при сём Министерстве Совет, в котором присутствовать директорам департаментов и трём или более непременно членам, под председательством министра иностранных дел или заступающего его место, или же одного из членов Совета, по усмотрению министра; 2. Сверх существующего уже при Министерстве Азиатского департамента учредить: 1) Департамент внешних сношений, 2) Департамент внутренних сношений и 3) Департамент хозяйственных и счётных дел»¹. Именно департамент хозяйственных и счётных дел ведал делами личного состава Министерства, а также русскими церквями при посольствах и миссиях за границей. Второй стол первого отделения департамента занимался делами личного состава церковнослужителей русских церквей за границей. Во втором – счётном – отделении велись все финансовые и счётные дела согласно отчётам, поступавшим от посольских церквей в центральный аппарат МИД.

Ещё в 1828 г. Министерство получило восточную часть здания Главного штаба, построенного К.И. Росси на Дворцовой площади и выходящую на Певческий мост на Мойке. Сюда Министерство переехало с Английской набережной, и с этих пор само выражение «Певческий мост» (или «Pont aux Chantres») стало нарицательным, подобно принятому названию французского Министерства иностранных дел, в официальных бумагах обозначавшемся по месту расположения «Ке Д'Орсе» [3, с. 73].

В здании располагалась квартира министра иностранных дел и министерская церковь Св. Александра Невского, освящённая 2 сентября 1828 г. За место священника новой церкви разгорелась борьба: министр финансов Е.Ф. Канкрин лично предложил кандидатуру священника Александра Егорова, дьякона Сергиевского собора, о назначении которого просил К.В. Нессельроде в письме от 15 ноября 1828 г.² Однако обер-прокурор Святейшего Синода князь П.С. Мещерский усомнился в надлежащем образовании Егорова и предложил «к церкви» бакалавра С.-Петербургской духовной академии магистра Ксенофонта Делекторского, который и был назначен священником министерской церкви, а ему в помощь двух дьячков – Григория Иванова и Фёдора Семёнова³. Новая церковь стала получать содержание в 833 руб. за каждую треть года, а вскоре последовало повеление императора обновить всё церковное облачение, заменив его на праздничные одежды «зелёной шёлковой материи с серебряными крестами, а всенедельное той же материи с шёлковыми белыми крестами»⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. VII. 1832.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Административные дела. Оп. IV-41. 1828. Д. 4. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 82.

Министерство иностранных дел уделяло большое внимание устройству и функционированию при зарубежных миссиях России православных посольских церквей. Церковнослужители были при всех миссиях и посольствах Российской империи за границей. Ober-прокурор А.П. Толстой направил 17 июля 1857 г. циркулярное письмо к настоятелям заграничных православных храмов, находившихся, в том числе, и в ведении МИД. В письме говорилось: «По обычаю, заведённому предместником моим графом Н.А. Протасовым, настоятели православных церквей при всех русских миссиях сообщали ему (непосредственно или через директора Канцелярии) свои различные наблюдения над духовною жизнью тех стран, где им приходилось жить и действовать. Для точнейшего обозначения того, что в этом деле начальством почиталось особенно важным и любопытным, каждому настоятелю доставлена была в своё время программа, в которой изложены главные предметы, поручавшиеся их наблюдению. Получаемые таким образом сведения давали возможность судить о состоянии христианских исповеданий во всех странах Западной Европы» [3, с. 298–299].

«Духовные чины» были важной составляющей посольского штата. Члены российских представительств, надолго оторванные от родины и жившие в чуждой среде западно-христианской или мусульманской религии, остро нуждались в возможности отправлять религиозные обряды по православному канону. Обычно штат посольских церквей включал в себя протоиерея, священника, двух причетников и нескольких певчих. Число священнослужителей при константинопольской и афинской миссиях превышало соответствующие штаты в европейских державах. Это объяснялось в первом случае тем, что объём обязанностей священников в турецкой столице существенно превышал служебную «нагрузку» коллег в Европе, а во втором – тем, что, по мысли деятелей Святейшего Синода, греческая церковь должна была стать образцом для проведения православных служб на всех территориях, где проживали балканские православные славяне.

Церковный штат зарубежных посольских церквей, назначаемый Святейшим Синодом, подчинялся и получал жалование от Министерства иностранных дел. На местах священнослужители были подчинены главе миссии или посольства, который был обязан отчитываться за материальные траты на содержание местных церквей, починку и покупку для них принадлежностей. Как правило, церковный причт не испытывал нужды в необходимой для служения утвари и облачениях. Обычно протоиереи и священники, возглавлявшие штат служителей при миссии, получали от министерства жалование в 1200 руб. «в 250 голландских ценсов» за 1 руб., (как и все служащие в российских зарубежных представительствах), что существенно повышало реальную сумму жалования)⁵.

К концу николаевского царствования за границей при российских посольствах и миссиях числились 15 церквей: в Париже (протоиерей Д. Вергинский),

⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-16. Оп. 158. Д. 16 (1839). Л. 3 с об.

Берлине (священник Д. Соколов), Лондоне (протоиерей Я. Смирнов), Вене (священник Г. Меглицкий), Константинополе (иеромонах Амвросий), Франкфурте-на-Майне, Роттенберге (священник Пивницкий), Стокгольме (священник М. Раевский), Штутгарде, Риме (иеромонах Герасим), Пекине, Афинах (архимандрит Анатолий), Неаполе, Швейцарии (священник Л. Каченовский), Копенгагене (священник Е. Попов), Венгрии (в селе Ироме, иеромонах Амфилохий), при дворе вел. княгини Марии Павловны (протоиерей Сабинин) и при дворе королевы Нидерландской Анны Павловны в Гааге⁶.

В списке православных церквей и священнослужителей в штатах миссий и посольств, относящемся ко времени правления Александра I, указывалось, что посольские церкви не были учреждены при миссиях в Неаполе, Лиссабоне, Мадриде, Париже и Флоренции⁷. Всего по данному списку зарубежным посольским церквям полагалось 17 200 руб. и 9 600 руб. сверх штата из общего бюджета МИД. По представленным в МИД бухгалтерским документам за 1841 г. из 20 зарубежных посольств и миссий за суммы, полученные на содержание православной церкви, не отчитались только пять представительств: миссии в Неаполе, при Германском союзе и дворах Саксонском, Ганноверском и Веймарском в Дрездене, Гессен-Дармштадском в Штутгарте, короля Сардинского и дворе Ольденбургском⁸. Православная церковь во Франкфурте-на-Майне была учреждена указом от 29 января 1844 г., а в августе того же года посланник П. Убри уведомил руководство МИД о прибытии к миссии священнослужителей. В Неаполе устройство церкви началось по указу от 3 апреля 1843 г., а её освящение произошло 6 декабря 1844 г., о чём посланник М.И. Хрептович докладывал в Петербург 12 декабря⁹.

Нередко в столицах западных держав уже имелся городской православный храм; в странах Востока службу обычно отправляли в посольской церкви. Кроме соблюдения регулярных и праздничных служб посольские церковники имели предписание о проведении особых служений православной церкви за границей. В 1831 г. обер-прокурор Святейшего Синода князь П.С. Мещерский разослал заграничным посольским церквям утверждённую Синодом форму «возношений на ектениях», т.е. провозглашений «многия лета» наследнику престола цесаревичу Александру¹⁰. По табели о высокаторжественных днях следовало служить молебны в дни рождения и тезоименитства членов императорской семьи. Повелено было праздновать также «победу под Полтавой, Кучук-Кайнарджийский мир, присоединение Таврического царства, победу при Гангуте и Гренгаме, взятие Шлиссельбурга»¹¹. В том же году С.-Петербургская консистория обратилась в Коллегию иностранных дел с предписанием всем священникам миссий и посольств за границей вести метрические книги обо всех отправляемых требах.

⁶ Там же. Ф. Административные дела. Оп.725/2. Д. 51. Л. 3 с об.

⁷ Там же. Ф. ГА IV-53. Д.1. Л. 140. Б/д.

⁸ Там же. Лл. 56-103.

⁹ Там же. Ф. Административные дела. Оп. 725/2. Д. 51. Л. 19, 25.

¹⁰ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 3. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 13-14.

По своему устройству православные церкви за границей были разными. Прежде всего, это были собственно «посольские церкви» при миссиях и посольствах, находившиеся в здании российских представительств. Таковыми были церковь Св. равноапостольного кн. Владимира в Берлине, церковь во имя Святителя и чудотворца Николая в Вене, церковь Св. Елизаветы во Франкфурте-на-Майне, церковь во имя Святителя и чудотворца Николая в Риме. Другой вид посольских церквей подразумевал наличие отдельно от посольства стоящего здания церкви, как церковь Живоначальной Троицы в Афинах, которая, будучи «весьма древней», была подарена России греческим правительством. В отдельном каменном здании находилась также Петропавловская церковь в Париже. Некоторые церкви перемещались вслед за посольствами и имели статус «походных». В этом случае в них находился разборный перемещаемый иконостас. Таковой была церковь во имя Успения Божией Матери в Лондоне (записи в которой сохранились с 1749 г.), церковь во имя Св. Апостола Павла в Копенгагене. В столицу Дании эта походная церковь попала из Флоренции, куда в свою очередь была перемещена из Турина. Зачастую походные церкви следовали за путешествующими царственными особами русского двора или за великими князьями, выходявшими замуж за немецких наследственных принцев. Так, после замужества великой княжны Ольги Николаевны в Штутгарте кроме походной церкви во имя Святителя и чудотворца Николая была устроена одноименная церковь во дворце наследного принца Вюртембергского. В Гааге при дворе королевы Нидерландской Анны Павловны находилась церковь Св. равноапостольной Марии Магдалины, а в Веймаре – одноименная церковь при дворе великой герцогини Марии Павловны. Существовали также т.н. «надгробные» церкви, как в венгерском селе Ироме церковь Св. мученицы царицы Александры и Св. праведного Иосифа. Эта святыня была построена протоиереем А. Самборским, духовником великой княжны Александры Павловны, вышедшей замуж за эрцгерцога Иосифа и скончавшейся в 1801 г. в Венгрии¹².

Отсутствие упоминания о церковнослужителях при миссиях в посольских документах могло означать, что они не получали специальных денег на содержание «домашних» при наличии в городах, подведомых данным миссиям, самостоятельных православных приходов. Так, российский посланник в Баварии Северин докладывал в 1842 г. в МИД о том, что приход православной церкви в Мюнхене находится на иждивении Баварского правительства, из чего следует, что посольской церкви при миссии не было. Северин жаловался на бедность священников, не имевших нужного облачения, и сообщал об их желании иметь сведения о чине службы и тех новостях, касавшихся «умножения императорской фамилии», которые рассылались российским посольским церквям за границей¹³. В ведении берлинской миссии состояли сразу две православные церкви:

¹² АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 725/2. Д. 51.

¹³ Там же. Оп. 337/2. Д. 22. Л. 1 с об.

при самом посольстве и в Потсдаме. Прибывший в 1834 г. в Берлин священник Дормидонт Соколов, как и его предшественник протоиерей И. Чудовский, получали дополнительные деньги в 500 руб. на проезд в Потсдам, где проводили службу во второй православной церкви. Дело в том, что после завершения заграничных походов русской армии в 1814 г. здесь была основана русская колония Александровка, населённая бывшими военнопленными, получившими разрешение прусского короля остаться на поселение¹⁴.

В странах Востока, с которыми только устанавливались дипломатические отношения, православных церквей при миссиях не было. Исключение составляла турецкая столица. Здесь велась служба в двух православных посольских церквях – в Буюк-Дере на берегу Босфора, где располагалась дача российского посольства, на территории которой была построена церковь во имя Св. Елены и Константина, и в Пере (христианском квартале Константинополя), в здании российской миссии [4, с. 132–136]. Штат церковнослужителей при константинопольской миссии превышал аналогичные штаты российских миссий и посольств в европейских державах, как следует из «Примерного штата министерским церквам» за 1800 г. [6, с. 594–595]. Известно, что до 1818 г. российская миссия не имела посольской церкви. Её начал обустроить в Буюк-Дере посланник Г.А. Строганов, для чего из Одессы были выписаны церковная утварь и иконостас. В Константинополе роль посольской церкви вплоть до постройки собственного здания миссии исполняла одна из православных городских церквей. Российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев отмечал, что она «часто посещается здешними нашими единоверцами, на коих согласные хоры русских певчих производят весьма благоприятное впечатление»¹⁵.

Ещё при посланнике А.Я. Италинском в буюкдерской церкви служили архимандрит Вениамин, иеродиакон Епифаний и четыре «церковника». При Строганове иеродиаконом стал о. Геннадий с жалованием 800 руб. серебром. Весь расход церкви составлял тогда 6670 пиастров¹⁶. В 1832 г. Бутенев просил директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина утвердить священником в Буюк-Дере о. Иеронима с жалованием в 600 пиастров (400 руб. и ещё 200 руб. на церковные расходы)¹⁷. В 1834 г. по повелению императора Николая I в константинопольской посольской церкви были утверждены в должностях иеромонах Амвросий, иеродиакон Григорий (Апостолов) и два причетника – Яковлев и Алексей Соколовский¹⁸.

Иеродиакон Григорий приходился племянником греческому Нисонисавскому митрополиту Даниилу. В 1821 г., когда в Турции начались гонения на христиан и в Константинополе был повешен патриарх Григорий, митрополит с племянником бежали в Россию¹⁹. Ещё до своего утверждения в должности иеромонах

¹⁴ Там же. Оп. 336. Д. 16. Т. 1. Л. 17.

¹⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 9. Л. 29 об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Оп. 46. Д. 3. Л. 18.

¹⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 9. Л. 11.

¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 66 об.

Григорий несколько лет служил в посольской церкви за весьма скромное вознаграждение, и только в 1841 г. император повелел выплачивать ему «полный диаконский оклад по штату». Все «духовные чины» российского посольства утверждались Святейшим Синодом и присылались в Константинополь из России, хотя Бутенев предлагал принимать на службу местных православных священников. Он сообщал в Азиатский департамент о том, что «нетрудно приискать в здешней столице диаконов православной веры и славянского происхождения, которые всегда готовы будут являться по воскресеньям и праздничным дням за приличное вознаграждение из остаточных церковных денег»²⁰. В 1845 г. о. Григорий и о. Амвросий были удостоены наград, «принимая во внимание срок их службы и содействие при устройстве посольской церкви»²¹. Обер-прокурор Святейшего Синода Н.А. Протасов распорядился наградить о. Амвросия наперстным золотым крестом, а о. Григория – полугодовым окладом в 500 руб. серебром²². 12 июня 1847 г. Константинопольский патриарх Анфим рукоположил архидиакона Григория на степень Великого или Патриаршего архидиакона²³. В 1850 г. он был уволен в отставку после 16 лет службы в российской миссии, получил пенсию в 300 руб. серебром и поселился в сербском городе Неготине²⁴.

На церковные расходы миссии ежегодно выделялось 1270 руб. серебром. Эти средства шли на покупку церковной утвари и обустройство посольской церкви. По завершении постройки посольского дома и освещения при нём новой церкви Св. Николая Чудотворца она превратилась в центр притяжения для православных жителей Константинополя и всех российских подданных, оказавшихся в турецкой столице по делам службы и торговли. В 1846 г. настоятель посольской церкви о. Амвросий был посвящён константинопольским патриархом в сан архимандрита. Члены константинопольского Синода были польщены этой честью; подобного прецедента ранее не случалось, и он служил, по их мнению, «лучшим доказательством единства веры и духовного союза между Россией и Восточными церквями»²⁵.

После обретения Грецией независимости в 1830 г. Святейший Синод стал уделять особое внимание состоянию греческой церкви. Самые многочисленные штаты церковнослужителей принадлежали миссии в Греции: при посланнике Г.А. Катакази в российской миссии присутствовали архимандрит, иеродиакон, два причетника и пять певчих²⁶. В 1846 г. глава российского МИД обратился к российскому императору с прошением о приобретении в Афинах полуразрушенной церкви Св. Никодима для придания ей статуса посольской церкви российского дипломатического представительства. Для этой цели испрашивалась

²⁰ Там же. Д. 16. Л. 21 об.

²¹ Там же. Л. 41.

²² Там же. Л. 44.

²³ Там же. Л. 61.

²⁴ Там же. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3860. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1 (1841). Д. 1519. Л. 102.

сумма в 7500 руб. серебром. Позже оказалось, что здание сильно повреждено, и потребуются дополнительные средства, чтобы перестроить и укрепить фундамент. Узнав, что разрушенный храм станет русской посольской церковью, греческое правительство предложило храм Св. Никодима России «безвозмездно», о чём канцлер докладывал императору в начале 1847 г. В резолюции Николая I было указано, чтобы «церковь отделать прилично и снабдить всем потребным, так, чтоб служить могла образцовой для края»²⁷. В это же время греческие подданные, братья Херетис, один из которых был директором Афинского королевского ботанического сада, а другой служил в греческом национальном банке, обратились к российскому поверенному в делах с просьбой принять в дар для новой посольской церкви в Афинах «древнюю икону с изображением Спасителя, написанную на чёрном мраморе и признанную тамошними художниками за отменное произведение болонской школы»²⁸.

К концу николаевского царствования встал вопрос об учреждении православной церкви в Персии. Ещё в 1853 г. Святейший Синод издал распоряжение о ежегодном отпращивании в Тегеран «ко времени Святой Пасхи» священника и двух причетников «для исполнения треб при тамошней нашей миссии»²⁹. По донесению управляющего дипломатической канцелярией заместника кавказского Лелли, во время празднования Пасхи экзарх Грузии Исидор ежегодно командировал к миссии в Тегеране и генеральному консульству в Тавризе наставника тифлисской семинарии Иосифа³⁰. Однако такая поездка была весьма затруднительной, поскольку путешественникам предстояла трудная и опасная дорога в 1440 вёрст по горной местности в неустойчивую погоду. К тому же, как докладывал Исидор Святейшему Синоду, персидский шах, принимая наших священников, затевал дискуссии о православном вероучении, вести которую могли только образованные священнослужители, что требовало, по мнению Исидора, их постоянного присутствия при тегеранской миссии³¹. При российском посольстве в Тегеране к тому времени уже существовала домовая церковь во имя Святителя чудотворца Николая.

Особую роль в дипломатической истории России сыграла Русская духовная миссия в Китае. Российского посольства, в привычном понимании этого слова, в Китае не существовало. Его функцию в некоторой степени выполняла Русская духовная миссия, за которой китайские власти признавали право дипломатического представительства России. Духовная миссия была учреждена указом Петра I от 18 июня 1700 г. С 1715 по 1914 гг. миссия состояла в ведении Святейшего Синода, однако в период с 1745 по 1864 гг. она была передана под управление Коллегии иностранных дел, а затем – Азиатского департамента [2, с. 151]. В те годы она приобрела статус дипломатического представительства, а с появлением в 1861 г. постоянного посольства России

²⁷ АВПРИ. Ф. СПб ГА I-1. Оп. 781. Д. 23. Л. 29 с об.

²⁸ Там же. Л. 51.

²⁹ Там же. IV-16. Оп. 134. Д. 3. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 11-12.

в Китае миссия вновь перешла в ведомство Святейшего Синода. Обычно миссия возглавлялась архимандритом, включала в себя 10 человек, причём половину из них составляли светские люди. Представители Азиатского департамента, присутствовавшие в миссии, назывались приставами. В 1820–1821 гг. таким приставом служил Е.Ф. Тимковский, который позже стал управляющим С.-Петербургским Главным архивом, а в конце 40-х гг. приставом духовной миссии был Е.П. Ковалевский – будущий директор Азиатского департамента. И Тимковский, и Ковалевский оставили научные труды о путешествии в Китай, которые с интересом были встречены русским образованным обществом. С 1821 по 1830 гг. в Китае пребывала десятая по счёту миссия во главе с архимандритом Петром (в миру П.И. Каменским), до 1839 г. – одиннадцатая миссия во главе с архимандритом Вениамином (Морачевичем). Как правило, штат миссии был невелик: с Морачевичем в Китае находились магистр богословия Аввакум Честнов, иеромонах Феофилат (Киселевский), иеродиакон Поликарп Тугаринов, псаломщик Г. Розов, лекарь П.Е. Кирилов, студенты А. Кованько, А. Легашев и Е. Сычевский³². Директор Азиатского департамента К.К. Родофиникин ставил перед миссиями следующие задачи: «Главная и постоянная цель Российского министерства в отношении Китая есть политическая и торговая». Двенадцатая миссия отправилась в Китай в 1839 г. Она должна была «по возможности» способствовать налаживанию политических связей между государствами. В составе миссии числились астроном, лекарь, художник, ибо «через них упрочиваются и распространяются связи с нужными для нас лицами», – говорилось в Отчёте МИД за 1839 г.

«Самым блестящим временем» в истории русских заграничных духовных миссий в исторической литературе обычно называют период после Крымской войны, когда церковнослужители при русских миссиях соединяли литературную, историческую, переводческую и научно-богословскую деятельность [1, с. 298]. Однако и ряд посольских священнослужителей николаевского времени вошли в историю русской церкви благодаря своей подвижнической деятельности. По мнению современного греческого исследователя Константина Папулидиса, «представительство русской церкви за пределами Российского государства создавалось из её лучших кадров» [4, с. 147].

Как правило, церковный штат в посольствах и миссиях России за границей возглавлял протоиерей, окончивший Духовную академию, получивший звание магистра, часто прошедший школу преподавания в качестве профессора в Духовных семинариях и в самой Академии. Нередко они были почётными членами научных исторических и археологических обществ, писали исторические труды, знали нескольких европейских и древних языков. Выдающимся учёным, историком и собирателем древностей был архимандрит Порфирий (Успенский), возглавивший в 1847 г. первую духовную миссию в Палестине. До этого назначения архимандрит Порфирий служил в православной посольской церкви при

³² АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 713. Д. 230 (Б/д). Л. 41.

русском посольстве в Вене. Его преемник в подвижнической деятельности на Святой Земле, а с 1850 г. настоятель посольской церкви Св. Никодима в Афинах о. Антонин (Капустин) в 1853 г. был возведён в сан архимандрита, изучал и публиковал древние надписи VI–XII вв., описывал рукописи и книги Афонской библиотеки. В 1860–1865 гг. он был перемещён к посольской церкви в Константинополе, но главным делом архимандрита Антонина была его научная и организационная деятельность в Святой земле. Протоиерей венской церкви Св. Николая Михаил Фёдорович Раевский, до этого восемь лет прослуживший священником при посольской церкви Св. Апостола Павла в Копенгагене, был членом общества Северных Антиквариюв по части древней русской истории, а в 1848 г. был избран корреспондентом императорского Одесского общества истории и древностей. Сторонник славянского единства, он поддерживал отношения со всеми выдающимися южнославянскими деятелями, которые с благодарностью пользовались его помощью и находили в его лице пламенного соратника в деле славянского возрождения [7].

Глава посольства отвечал за весь штат своей миссии, включая священнослужителей. Ему вменялось в обязанность следить за подчинёнными, недостойное поведение которых вело к наказанию. Так, в 1832 г. Николай I повелел выслать в Россию и отдать в солдаты певчего дворовой православной церкви в Веймаре Чернявского (характер его провинности не удалось проследить по имеющимся документам)³³. Случались и казусы. В 1844 г. посланник А.П. Бутенев доносил из Рима о том, что дочь дьячка римской православной церкви А. Лестоцкого сбегала и обвенчалась с неким римлянином Полити «с отступлением от православия в латинство». Наш посланник просил папское министерство и кардинала Ламбручини вернуть беглянку к отцу, но Николай I повелел прекратить дело, что и было исполнено³⁴. Более серьёзный случай произошёл с проживавшем в Париже бывшим священником Лавровым. Российский поверенный в делах в Париже Н.Д. Киселёв сообщал в секретном донесении в Петербург о том, что уволенный в 1834 г. от службы Лавров «ведёт жизнь самую безнравственную и, питая республиканские идеи, выказывает ненависть не только к России и государю императору, но даже и к самой религии»³⁵. Из Петербурга последовал приказ Нессельроде вернуть Лаврова в Россию, но тот решил остаться в Париже. Поначалу его лишили ежегодной пенсии «по ордену» Св. Анны 2-й степени, составлявшей 952 руб. серебром. Затем последовали и более суровые меры. Начальник Третьего отделения собственной е.и.в. канцелярии граф А.Ф. Орлов лично занялся делом Лаврова. По результату всеподданнейшего доклада обер-прокурора Святейшего Синода Протасова Николай I повелел объявить протоиерея «лишённым сана и изверженным из духовного чина»³⁶.

³³ Там же. Д. 1(1830). Л. 3.

³⁴ Там же. Оп. 158. Д. 27(1844). Л. 3-8.

³⁵ Там же. Д. 18. (1848). Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 14.

Зачастую православные церкви при миссиях приходилось перестраивать и ремонтировать. Нужные для этого деньги выделялись по специальному пожалованию императора Николая I. В 1839 г. генеральный консул России в Саксонском королевстве Ф. Киль докладывал о поступившем ему от греческого консула и декана духовного греческого общества в Лейпциге Георгия Теохариса прошении выделить пособие на постройку в Лейпциге греческой церкви³⁷. Указывалось, что православная церковь во имя Св. Георгия, которая существовала с 1740 г. и поддерживалась средствами приезжавших на ярмарку греческих купцов, пришла в полный упадок. Новая церковь по предварительным расчётам будет стоить девять тыс. талеров; пять из них у общины уже имеется. Теохарис обращался к российскому императору с просьбой выделить недостающие средства. После того как министр иностранных дел К.В. Нессельроде доложил Николаю I о поступившем прошении, было принято решение выделить на постройку церкви три тыс. талеров; повторно входить к императору с докладом об этом деле и просить увеличить сумму вице-канцлер не осмелился, о чём откровенно признался в письме к российскому посланнику в Дрездене А.А. Шрёдеру³⁸.

Иногда помощь православным церквям за границей приобретала всероссийское значение, как это было после венгерского похода русской армии в 1849 г. Тогда были разрушены (сожжены или претерпели значительные повреждения) 115 православных церквей, принадлежавших сербам. В 1850 г. канцлер обратился к обер-прокурору Святейшего Синода Н.А. Протасову с письмом, в котором сообщал, что получил уведомление московского генерал-губернатора Закревского о желании москвичей пожертвовать в пользу сербских церквей 7612 руб. 53 коп. Закревский спрашивал у Нессельроде, будет ли уместен такой взнос и какую реакцию он вызовет у австрийского правительства. Одновременно по просьбе сербского патриарха Иосифа к Протасову обратился священник посольской церкви в Вене Н.Ф. Раевский. Поскольку австрийское правительство не возражало против пожертвования, был составлен список пострадавших церквей на территории Нового Сада, Бачки, Будима и Темишвара. Общий ущерб был оценён в гигантскую сумму 1 308 137.27 серебряных флоринов³⁹. Принимая во внимание масштаб разрушений, император предложил открыть подписку на сбор средств в пользу сербских церквей и сам внёс 10 тыс. рублей серебром. Подписка была объявлена по всей России, приношения отсылались в местные уездные казначейства и в департамент внутренних сношений МИД. На протяжении нескольких месяцев деньги стали поступать из губерний – Симбирской, Владимирской Архангельской, Смоленской Тамбовской – а также из Петербурга и Москвы. К новому 1851 г. была собрана значительная сумма в 3 109 руб., и сбор средств был продолжен⁴⁰.

³⁷ Там же. Д. 44 (1839). Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 33.

³⁹ Там же. Оп. 134. Д. 36. (1850). Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 50.

Посольские церкви за границей служили центром притяжения для всех православных христиан западноевропейских стран, временно или постоянно проживавших вдали от своего отечества. Священнослужители при миссиях, получая жалование от российского МИДа, были своего рода дипломатическими представителями отечества за рубежом, ведая «духовной» сферой работы всего посольства или миссии России. Их церковные службы в домовых или городских православных храмах Европы и Азии ничем не отличались от служб российских храмов, но привлекали гораздо большее внимание зарубежной паствы, взиравшей на российских священников как на представителей великой православной церкви, окормлявших духовно и олицетворявших связь с родиной.

Список литературы

1. Богданова Т.А. Русское православное духовенство при посольских церквях в западной Европе как фактор межкультурного общения // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. М.: Литература, 2015. С. 150–166.
2. Горбачёва К.А. Российская православная духовная миссия в Китае в 1820–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2017. №1. С. 147–161.
3. Емец В.А. Министерство иностранных дел России // Международная жизнь. 2000. № 1. С. 38–49.
4. Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Русское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010. 347 с.
5. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX–начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.
6. Очерки истории министерства иностранных дел России. Т.1. М.: Олма-пресс, 2002. 606 с.
7. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. М.: Индрик, 2011. 200 с.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н, ведущий научный сотрудник Центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail demetr22@mail.ru.

RUSSIAN EMBASSY CHURCHES AND PRIEST DURING THE REIGN OF NICHOLAS I

E.P. Koudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-7-19

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to activity of orthodox priests in Russian embassies and missions. All Russian embassies in Europe had churches and family chapels with the personnel. They sub-

mitted to ambassadors or heads of Russian missions, were accountable to the Russian Foreign Ministry that paid them salary. Most of the Holy Synod also controlled them. During the reign of Nicholas I the priests were appointed to those eastern countries with whom Russia wanted to open up diplomatic relations. The greatest number of cleric was in the Ottoman Empire and Greece.

Churches and church services in these countries had to be examples for orthodox communities for the Balkan Slavic population where orthodox church services are usually non-canonical. Special attention should be paid to the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in China that also served as a diplomatic mission there. During the second quarter several Orthodox Ecclesiastical Mission were established in China and remained there for a long time, while Russia still had no diplomatic relations with China.

The article is based on documents from the Archive of foreign policy of Russian Empire that have never been engaged in scientific researches. The theme of clerics' membership in Russian embassies has never been studied before (except for few works concerning Russian clergy in the Holy Land). The large scale of materials that shows an important role of embassy clerics make it possible to significantly broaden the study of the activity of the Russian representational offices.

Key words: Russian embassy, missions, Orthodox Church, priests, chapel, Russian ministry of international relations.

References

1. Bogdanova T.A. Russkoe pravoslavnoe dukhovenstvo pri posol'skikh tserkvakh v zapadnoi Evrope kak faktor mezhkul'turnogo obshcheniia [Russian Orthodox clergy at the embassy churches in Western Europe as a factor of intercultural communication]. *Literaturnye vzaimosviazi Rossii XVIII–XIX vv.: po materialam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivokhranilishch* [Literary interrelations of Russia XVIII–XIX centuries: on the materials of Russian and foreign archives]. Moscow, Literatura Publ., 2015. Pp. 150–166. (In Russian)
2. Gorbacheva K.A. Rossiiskaia pravoslavnaiia dukhovnaia missiia v Kitae v 1820–1930-e gody [Russian Orthodox spiritual mission in China in the 1820s–1930s]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2017, no. 1, pp. 147–161. (In Russian)
3. Emets V.A. Ministerstvo inostrannykh del Rossii [Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2000, no. 1, pp. 38–49. (In Russian)
4. Kudriavtseva E.P. *Russkie na Bosfore. Rossiiskoe posol'stvo v Konstantinopole v pervoi polovine XIX veka* [The Russians are on the Bosphorus. The Russian embassy in Constantinople in the first half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 347 p. (In Russian)
5. Lisovoi N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX–nachale XX v* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX–early XX century]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 510 p. (In Russian)
6. *Ocherki istorii ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Vol. 1. Moscow, Olma-press Publ., 2002. 606 p. (In Russian)
7. Churkina I.V. Protoierei Mikhail Fedorovich Raevskii i iugoslaviiane [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 200 p. (In Russian)

About the author:

Elena P. Kudriavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker in the department “Russia in international relations” in the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulyanov, 19.
E-mail: demetr22@mail.ru.